

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327.2

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-1-233-248

Оригинальное исследование

Империализм мировых порядков

Веселов Ю.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ),

Россия, 119991, г. Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, стр. 51

Email: veseloff30@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья построена вокруг феномена «империализм», который является одновременно и предметом изучения, и методом исследования. «Империализм» как предмет исследования является составной частью объекта исследования – международных отношений как в исторической, так и в политологической перспективах. Автор убежден, что именно «империализм» является «красной нитью», проходящей через историю человечества и формирующей сами международные отношения и мировые порядки как их институциональное оформление. Именно это приводит к тому, что «империализм» одновременно является и методом исследования, так как, по сути, представляет собой практически универсальный ключ в данной области. Данное исследование содержит в себе тезисы-выводы, ранее еще никогда четко не выявленные в отечественной (а возможно, даже и в мировой) науке.

Ключевые слова: империализм, мировой порядок, многополярность, однополярность, конфликтология, гегемония, доминирование

Для цитирования: Веселов Ю.А. 2023. Империализм мировых порядков. Via in tempore. История. Политология. 50 (1): 233–248. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-233-248

World Orders' Imperialism

Yuriy A. Veselov

Lomonosov Moscow State University (MSU)

Faculty of World Politics

p. 51, 1 Leninskie Gory St., Moscow 119991, Russia

Email: veseloff30@gmail.com

Abstract. This article is built around the phenomenon of «imperialism», which is both a subject of study and a method of research. «Imperialism» as a subject of research is an integral part of the object of research – international relations, both in historical and political perspectives. The author is convinced that it is «imperialism» that is the «red thread» that runs through the history of mankind and forms international relations and world orders themselves, as their institutional design. This is what leads to the fact that «imperialism» is also a method of research, since, in fact, it is practically a universal key in this field. This study contains the following main theses-conclusions that have never been clearly identified before in domestic (and perhaps even in world science) that the organized history of mankind is the history of the confrontation of imperialisms, the world order is the creation and essence of modern forms of imperialism, and modernity is the arena of the clash of imperialisms.

Keywords: imperialism, world order, multipolarity, unipolarity, conflictology, hegemony, domination

For citation: Veselov Yu.A. 2023. World Orders' Imperialism. Via in tempore. History and political science. 50 (1): 233–248. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-1-233-248

Введение

Данная статья является логическим продолжением работы «Основные интерпретации понятия «империализм» в современной теории международных отношений». В ней предложен анализ истории международных отношений, а также их современного состояния через призму политреалистской концепции империализма.

В указанной статье было дано следующее определение «империализма» – объективная, закономерная, историческая деятельность (политика, внешнеполитическая стратегия) держав и тех, кто стремится ими стать, расширение своих возможностей, экспансия территорий, наращивание своего потенциала для распространения своего влияния или укрепления этого влияния, получения с этого экономической прибыли (не всегда, не во всех случаях), стремления по сохранению текущего выгодного мирового порядка или деятельность, направленная на его свержение для осуществления лидерства, а лучше продолжительной по времени гегемонии и нарушения в связи с этим суверенитета других акторов международных отношений и мировой политики [Веселов, 2022, с. 43]

Следовательно, «империализм» – это и политика, и ситуация, в которой так или иначе совершается гегемония и доминирование. В данной работе эти термины будут использованы в следующих значениях:

Доминирование или **господство** – это состояние сдерживания объектов с помощью принуждения силой и установлением механизмов и институтов, обозначающих вертикальные отношения власти и правила подчинения и/или влияния одного актора на другие, при этом доминирующий актор считается с желаниями и позициями других акторов (что делает «лидерство» открытой и явной формой доминирования/господства).

Гегемония – явная форма экономического, политического, социального, культурного, идеологического и иного господства, способность обучать, сдерживать и преобразовывать оппозицию, диктовать свои правила игры, вне зависимости от желания других акторов их соблюдать. Гегемония – открытая, явная форма доминирования.

Организованная история человечества – история противостояния империализмов

Из всех трактовок империализма с исторической точки зрения сильно выделяется концепция, созданная известным австро-американским экономистом Й. Шумпетером. Шумпетер выделил агрессию как ключевой фактор империализма. Согласно определению Шумпетера, «империализм является бесцельной склонностью государства к неограниченной насильственной экспансии» [Schumpeter, 1972, p. 6].

Следует отметить и то, как Шумпетер характеризовал империализм в целом и его проявления на протяжении организованной истории человечества. Первым государством, осуществляющим империалистические действия, согласно Шумпетеру, была Ассирийская империя, которая завоевала огромные территории, разрушила и разграбила множество городов, аргументируя это волей богов, а на деле мотивами (кроме религиозного фанатизма) могли быть жажда крови и добычи, алчность и жажда власти, жажда деятельности (наподобие спорта), коммерческие интересы – всё это, сочетавшись в разной степени, могло сыграть свою роль в мотивации отдельных лиц и групп для осуществления завоеваний. Такие реальные мотивы являются мощными союзниками официальных мотивов (религиозных или иных), усиливают их ударную мощь или узурпируют их облик, составляя основную часть империализма того времени [Schumpeter, 1972, p. 33]. Также можно утверждать, что недостаточно выделять такие факторы характерно исключительно одной эпохи, а применять их повсеместно, так как, вероятно, человеческая натура не такая изменчивая.

Тем не менее могут происходить и функциональные изменения в социальных привычках, правовых формах и т. д., и для каждой эпохи, каждой уникальной цивилизации свойственен свой империализм – египетский, ассирийский, персидский, македонский, корейский, монгольский, франкский, германский и пр. Например, македонский империализм автор рассматривал как «индивидуальный империализм» («individual imperialism») Александра Великого, аналогичными которому являлись, по мнению Шумпетера, «империализмы» Цезарей и Наполеона I, т. е. политиков, чьё положение повышалось и крепло вместе с их военными кампаниями, которым нужны все новые и новые военные успехи, чтобы сохранить свои позиции [Schumpeter, 1972, p. 50]. Можно утверждать, что в ряде случаев воля одного человека – роль личности в истории, может являться основополагающим фактором начала осуществления империализма.

Особое внимание Шумпетер уделял империализму Нового времени, который трактовал как классический его вид [Schumpeter, 1972, p. 66]. В данном случае имеется в виду абсолютизм. Шумпетер полагал, что значительная часть войн, начинавшихся в то время, не носила в своей основе экономической причинности. В пример он приводил знаменитого французского короля Людовика XIV, который действительно проявлял некоторое безразличие к коммерческим и колониальным начинаниям и, вероятнее всего, предпочитал небольшие и с экономической точки зрения бесплодные начинания в Европе, которые казались легкими и сулили успех. Промышленная жизнь была тогда только в зачаточном состоянии. Об экспорте капитала, который действительно был бы актуален в этой связи, не могло быть и речи, а производство было количественно настолько мало, что экспорт не мог занимать центральное место в политике государства. Даже колониальные вопросы лишь незначительно влияли на европейскую политику великих держав. Поселенцы и авантюристы, к примеру, чаще всего боролись со своими проблемами на месте самостоятельно, и им уделялось мало внимания [Schumpeter, 1972, p. 60]. Для монарха завоевание означало в первую очередь приращение власти, солдат и доходов. Правитель, приравниваемый к государству, делал внешнюю политику своей личной прерогативой и следил за тем, чтобы это более никого не касалось. Его личные интересы становились интересами государства [Schumpeter, 1972, p. 61]. Исходя из такой логики Й. Шумпетера, можно сделать вывод, что «капитализма» ещё не было, а империализм уже был.

Это означает, что империализм в классической своей форме проявился ещё до активной фазы промышленной революции, а соответственно раньше «империалистического» капитализма марксистов, который они представляли в своих работах конца XIX – начала XX веков. И только в результате промышленной революции, буржуазных революций сформировались полноценные сильные классы, которые не только требовали, чтобы государство считалось с их запросами, но и дало им право на свободу действий и право на собственность. Империалистические черты капитализма Шумпетер считал проявлением оставшихся докапиталистических тенденций.

Кроме того, обладание колониями, обширными территориями подкрепляет символ великой державы (а одновременно с этим расширяет прибрежную зону). Потеря даже вроде как ненужной территории наверняка могла трактоваться как слабость, ошибка правительства, привести к потере авторитета у государства в глазах соседних держав и у собственного населения [Schumpeter, 1972, p. 13]. Шумпетер придавал империализму особенность, использование которой при трактовке международных отношений объясняет причины и последствия подобной политики – «... следствием, всегда возникающим в империализме, было то, что завоевательная политика неизбежно вела к ситуациям, которые вынуждали к дальнейшим завоеваниям. Как только был совершен первый шаг на подобной дороге, становится трудно сойти с неё, и, наконец, результаты подобного далеко превзошли те, к которым первоначально стремились» [Schumpeter, 1972, p. 53].

Шумпетер, как и многие его предшественники, противопоставлял империалистическим тенденциям режим свободной торговли и, более того, называл данный режим антиимпериалистским, повторяя этим «научного отца империализма» Дж. Гобсона [Schumpeter, 1972, p. 19]. Он утверждал, что там, где господствует свободная торговля, ни

один класс не заинтересован в насильственной экспансии. Так как в таком случае граждане и товары каждой страны могут перемещаться в других странах так же свободно, как если бы эти страны были политически их собственными. Эти рассуждения позволяют аргументировано «оторвать» империализм от исключительно экономических интересов капиталистического государства. Империализм Шумпетера становится не просто ступенью в формационном развитии или названием системы государственно-классового угнетения, а неотъемлемым элементом развития человечества, присущего сильным суверенным государствам. Шумпетеровский империализм лучше всего характеризует фраза профессора кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Бузгалина, относящаяся к империализму в целом: «в разные периоды истории (хроноса) и в разных частях света (топоса) существовали разные по содержанию типы агрессий и империй» [Бузгалин, 2017, с. 33].

Периодизация империализма – не новый аспект рассмотрения этого историко-политического феномена. Ниже будут представлены еще несколько концепций, представляющих безусловный теоретический интерес. Согласно этим подходам, империализм, или завоевание одной группы людей другой, так же стар, как и человечество, и не привязан к какой-либо идеологической экономикоцентристской школе [Nester William, 2010, p. 27–33].

Согласно пониманию империализма американского доктора политологии Уильяма Нестера, профессора государственного управления и политики Университета Сент-Джонса, исторически было две волны европейского империализма: эпоха парусов (1450–1850) и эпоха пара (1850–1950). Каждая из этих империалистических волн стимулировалась динамичным сочетанием технологических, политических, экономических и интеллектуальных изменений.

Непосредственным катализатором европейского империализма стало османское завоевание Ближнего Востока, которое нарушило поток специй из Юго-Восточной Азии в Европу. В 1450-х годах первые португальские каравеллы отправились на юг вдоль африканского побережья, пытаясь найти прямой путь к легендарным островам пряностей на дальнем конце земли. Европейская разобщенность на самом деле была источником власти. Разделение континента на полдюжины крупных централизованных королевств и сотни более мелких королевств, а также непрекращающиеся войны и соперничество между ними, возможно, были главной причиной окончательного господства Европы над миром. Соперничество породило инновации в технологиях, тактике, оружии, конструкции кораблей и создании богатства. Революционные технологические достижения запустили гонку вооружений между европейскими государствами, которая дала им практически неоспоримую мощь против неевропейских государств, имевших преимущество в живой силе.

Первая волна европейского империализма также зависела от оживления торговли и появления огромных торговых и банковских корпораций, которые финансировали большую часть открытий и завоеваний [Nester William, 2010, p. 27–33].

Как и первая волна, вторая волна глобального империализма, согласно У. Нестеру, стимулировалась сочетанием политического и идеологического соперничества, экономических требований и технологических достижений [Daniel Headrick, 2009; Wesseling, 2004].

Причиной для этого могла быть потребность в дешевых и надежных источниках продовольствия, сырья и полезных ископаемых, ограниченные рынки и необходимость компенсировать растущую мощь своих конкурентов. Националистическое соперничество и престиж империи также были важны. Премьер-министр Бенджамин Дизраэли уловил дух времени, и в 1872 году заявил: «будете ли вы довольны тем, что являетесь удобной Англией, созданной по образцу и подобию континентальных принципов... или вы будете великой страной – имперской страной, – страной, где ваши сыновья, когда вырастут, займут высокие посты и получают не просто уважение своих соотечественников, но пользуются уважением всего мира» [Kebbel, 1889, p. 534].

Британия вряд ли была одинока в своем стремлении к глобальной власти. Новые державы, Германия, Соединенные Штаты, Япония, Италия и Бельгия присоединились к рядам старых империалистов, таких как Великобритания, Франция и Россия. Европейские

имперские державы сублимировали свою древнюю вражду и амбиции на континенте, завоевав отдаленные земли по всему земному шару.

Во время второй имперской волны большая часть Африки и Азии перешла под иностранное правление. В 1800 году европейцы контролировали 35 процентов земной поверхности. Европейцы удвоили свой контроль до 67 процентов мира в 1878 году и 84 процентов к 1914 году [Paul Kennedy, 1989, p. 150].

Успех европейского, американского и японского империализма объясняется многими взаимосвязанными причинами. Промышленная революция в Великобритании дала ее производителям огромное сравнительное преимущество, которое в сочетании с империализмом, маскирующимся под свободную торговлю, уничтожило энергичные отрасли промышленности в Индии, Турции, Китае, Египте и других странах [Nester William, 2010, p. 27–33].

Достаточно новый концептуальный подход в рассмотрении империализма использован в одной из работ американского профессора социологии Джулиана Го «Волны империи. Гегемония США и империалистическая деятельность от берегов Триполи до Ирака, 1787–2003». Дж. Го обозначает связи между глобальной гегемонистской позицией США и империалистической деятельностью и предлагает новый лонгитюдный анализ империалистической деятельности США, в котором показывает, что империалистическая деятельность Америки прерывалась волнами высокой амплитуды и частоты, которые, в свою очередь, соответствовали разным этапам карьеры Америки – в частности, с движением США от регионального к полушарному, к глобальному доминированию и, в конечном счете, к ее отказу от своего прежнего статуса гегемона [Go, 2007, p. 5–40].

Дж. Го считает, что большинство исследователей империализма, которых можно назвать «проимперскими», предполагают, что «империя», «гегемония» и «империализм» логически и исторически взаимосвязаны: американская империя относится к американской гегемонии, а за ней следует империалистическая деятельность [Ferguson, 2003], что, в свою очередь, подтверждается политической реалистской позицией в исследованиях международных отношений, которая утверждает, что страны, обладающие непревзойденной глобальной мощью, неизбежно являются экспансионистами [Layne, Schwarz, 1993, p. 5–23].

Дж. Го разделяет понятия «империализм» и «империалистическая активность», что он объясняет использованием более радикальных политических мер на каждом витке «угасания гегемонии» США, которое происходило с определенными циклами с 1945 года. Также политолог использует достаточно узкое толкование «империализма» – «решение правительства выйти за пределы своих границ и действовать за их пределами – либо путем развертывания войск, нанесения авиаударов, направления военной поддержки, либо временной военной оккупации» [Go, 2007, p. 14]. Дж. Го демонстрирует собственные подсчеты – за 216 лет в общей сложности имели место 256 отдельных случаев «империалистической деятельности» США [Go, 2007, p. 16].

Вне зависимости от того, можно ли назвать подход Дж. Го достаточно узким с теоретической точки зрения, он действительно открывает дорогу для осмысления «империализма» как волн гегемонии не только США, но и чередующихся во власти держав, их разных империалистических биографий в разных мировых порядках, мировой человеческой истории.

Стоит заметить, что смена главных империалистов-гегемонов вовсе не означала окончательный разгром империализма гегемона-предшественника, а только лишь его переход от империализма глобального к более региональному и локальному.

Мировой порядок – порождение и суть современных форм империализма

Государства регулируют свои дела в соответствии со своими собственными правилами и традициями и, таким образом, вырабатывают особые стили управления. Так создается основа для неравномерного географического развития, геополитической борьбы и различных форм империалистической политики. Разные государства порождали разные империализмы [Harvey, 2003, p. 183]. В свою очередь, империализмы формировали и ми-

ровые порядки. Биполярный мировой порядок был сформирован двумя сверхдержавами, каждая из которых доминировала идеологически, институционально в «своём» полюсе. Вместе эти две сверхдержавы формировали «правила игры», сам мировой порядок.

Формирование современной «американской гегемонии» стало следствием исключительно благоприятной ситуации, в которой оказались США после завершения Первой, а затем и Второй мировых войн, аккумулировав к своему экономическому потенциалу «беспрецедентные ресурсы и возможности... приведшие к кардинальному перераспределению власти и богатства в мировом масштабе» [Kenberg, 2006, p. 21]. США объявили себя центром «либерального мирового порядка», заняли лидирующее положение среди развитых индустриальных стран, возглавив своего рода «исторический блок» государств, объединенных не только капиталистическим способом производства, но также приверженностью ценностям рыночной экономики и представительной демократии [Богданов, 2013, с. 194]. Развитая институциональная структура послевоенной американской гегемонии, общность ценностей и приверженность либеральной идеологии, а также экономическая взаимозависимость позволили сгладить силовую асимметрию внутри Западного блока и обусловили преобладание консенсусных форм власти [Богданов, 2013, с. 194].

Завершение биполярного порядка, как казалось многим сторонникам неолиберализма, должно было привести к полноценному объединению мира на основе универсальных ценностей и рыночной экономической модели. Однако первые десятилетия после распада СССР продемонстрировали, что, несмотря на отсутствие существенных конфликтов внутри западного «гегемонистского блока», очаги напряженности начинают разгораться на периферии мирового порядка, характеризующейся экономической отсталостью, межэтническими и межконфессиональными конфликтами, традиционализмом, неприятием модернизации и прогресса, а также отторжением западных ценностей и западного образа жизни [Богданов, 2013, с. 195].

Очевидное усиление роли принуждения и насилия во внешней политике США и их союзников в 2000-е годы побудило многих исследователей предположить, что на смену западной «либеральной гегемонии» могла прийти «американская империя» [Сох, 2003, р. 1–27], мало считающаяся с мнением союзников, стремящаяся к максимальному расширению сферы своего геополитического влияния и навязыванию своих национальных ценностей, институциональных практик и традиций в глобальном масштабе.

Вероятно, ослабление идеологического влияния американской гегемонии в пользу «материального» доминирования с помощью военных интервенций, угроз, санкций, гибридных конфликтов может рассматриваться как отчаянная попытка сохранить контроль над теряющим управляемость мировым порядком [Jervis, 2009, p. 288].

Современный империализм скорее напоминает не отношения между имперскими хозяевами и колониальными подданными, а сложное взаимодействие между более или менее суверенными государствами, но, по сути, ту же глобальную иерархию экономической и политической власти, которая является фундаментальным следствием неравномерного и комбинированного развития. Основной площадкой для него в наше время является «осязаемый» аспект глобализации – глобальное управление, существующее на различных уровнях – политическом, экономическом, социальном, экологическом и пр. Было бы невозможно говорить о послевоенном империализме без его многостороннего экономического обоснования в Бреттон-Вудской системе 1944 года. Следовательно, существует множество сложных способов, которыми Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк, Всемирная торговая организация (ВТО) и учреждения Организации Объединенных Наций сегодня всё ещё управляют отношениями глобальной имперской власти в интересах крупных корпораций, центральных держав текущего мирового порядка и даже отдельных личностей, пользуясь претендующей на универсальность и глобальность лево-либеральной идеологией. Согласно такой логике, рамочные конвенции ООН (например, РКИК ООН), а также форматы взаимодействия, такие как G7, G20, АРЭС и прочие,

рассматриваются именно как площадки-механизмы глобального управления империализма глобальными ресурсами, капиталами, и, в конце концов, государствами и народами. «... Неолиберальная экономическая модель является составной частью имперской глобализации...» [Herring, Rangwala, 2005, p. 4–5].

Империализм как результат закономерно появляющейся иерархии в силу разных потенциалов государств мира даёт основания для инструментального злоупотребления глобальным управлением ограниченной группой международных игроков [Mojtaba Barghandan, 2019]. Мир стал свидетелем двух самых жестоких и разрушительных мировых войн и множества кровопролитных гражданских войн. Империализм и имперское соперничество послужили как причиной, так и контекстом почти для всех из них. Но любой порядок, появляющийся после каждой такой войны, будет не менее империалистичным, чем порядок до структурной пертурбации. И в любом случае та или иная группа держав будет осуществлять доминирование на мировой арене, а другая группа держав будет пытаться реформировать или нивелировать такой порядок. Империалистическая глобализация представляет собой основу для децентрализованной формы глобального управления [Herring, Rangwala, 2005, p. 677]. Институты и иные форматы глобального управления стараются выстраивать иерархию по отношению к государствам, экономикам и обществам, но они не представляют собой иерархий по отношению друг к другу. Такая система может восприниматься либо как международная (с участием некоторого количества ведущих держав в качестве доминирующих субъектов) или транснациональная (с участием детерриториализованного класса, который правит с помощью государств и других институтов) [Hardt, Negri, 2001]. Вне зависимости от точки зрения, первый и второй подход будут лишь проявлениями империализма с позиции двух эпистем – политического реализма и марксизма (вместе с их доработанными версиями): «В обоих случаях глобальное управление не противопоставляется империализму, как это происходит в либеральных концепциях мировой политики: глобальное управление в его нынешней форме является выражением империализма, определяемого в современный период как формальные и неформальные практики, которые поддерживают правление» [Herring, Rangwala, 2005].

Предположительно, что простая поляриность «центр – периферия» уже не совсем полна для понимания империализма. Производственно-сбытовые цепочки увеличили относительный вес полупериферийных стран. Многонациональные фирмы больше не ставят во главу угла захват национальных рынков, чтобы воспользоваться преимуществами субсидий и таможенных барьеров. Они иерархизируют другой тип внешних инвестиций. В определенных случаях они обеспечивают захват природных ресурсов, определяемых геологией и климатом каждого места. В других ситуациях они пользуются преимуществами наличия больших контингентов дешевой и дисциплинированной рабочей силы. Эти два варианта – присвоение природных богатств и эксплуатация наемных работников – определяют стратегии транснациональных корпораций и место каждой экономики в мировом порядке. Это низведенное положение подтверждается даже в тех экономиках, которым удалось создать собственные транснациональные компании (Индия, Бразилия, Южная Корея). Они вошли в сферу, которая была монополизирована центром, не изменив своего второстепенного статуса в глобализованном производстве. В связи с этим вспоминаются также и фазы империализма Й. Галтунга [Galtung, 1971, p. 81–117]: колониализм, неоколониализм, нео-неоколониализм [Galtung, 1971, p. 94].

Продолжающееся наступление коллективного империализма Соединённых Штатов / Европы / Японии идёт на двух столпах: экономический аспект – глобализованный неолиберализм, навязанный как единственно возможная экономическая политика, и политический аспект – непрерывные интервенции, включая превентивные войны против тех, кто отвергает империалистические интервенции [Samir Amin, 2015], а также санкционные, информационные и в целом гибридные войны против остальных, но более серьёзных соперников.

Так же, как уже давно был развенчан миф о «конце истории», который бы означал конец межгосударственному противостоянию, конфликтам и начал бы эру мировой демократии и свободы в новом мировом порядке, так и он бы значил конец империализма как феномена в международных отношениях, однако, так как этого не произошло, империализм, не сведённый, правда, исключительно к конфликтологическим измерениям, благополучно продолжил своё существование, обзавёлся новыми методами и формами. К примеру, в нескольких предыдущих мировых порядках одной (опять же, не единственной) формой империализма был колониализм. Колониализм посредством прямой государственной власти превратил экономическое соперничество между империалистическими державами в особое политическое и военное соперничество, что стало просто особенностью этой конкретной стадии империализма или этого конкретного «мирового порядка» [Steven Rob, 1994, p. 290].

Взрыв национального сепаратизма среди колонизированных народов после Второй мировой войны серьезно угрожал всему империалистическому порядку вместе со всеми привилегиями. И старых империалистических акторов вытеснили новые – две сверхдержавы, которые воспользовались деколонизацией в своих собственных целях, играясь с режимами постколониальных стран. Поскольку только две сверхдержавы, казалось, обладали неограниченными возможностями для применения необходимой военной силы, спонсирования «правильных» государственных переворотов, произошел постепенный, но неуклонный переход от зависимости от предыдущих колонизаторов к более непрямой зависимости от США и СССР [Steven Rob, 1994, p. 291].

При этом такой неокониализм (хотя скорее этот термин является политизированным) уже предоставлял возможность для совместной эксплуатации бывших колоний развитыми странами, что отличалось от предыдущей модели использования, когда великие державы могли пойти на политическое и военное соперничество за монопольное право владения и управления колониями [Steven Rob, 1994, p. 292]. Великие державы ставили лояльный политически и идеологически режим, который предоставлял почти безграничные возможности великим державам, их неправительственным организациям и их бизнесу.

И в этом случае стоит подчеркнуть важную концептуальную дилемму – империалист – это не только тот, кого «обвиняют в империализме», а также тот, кто сам использует негативные трактовки «империализма» для определения отдельных акторов. Например, СССР активно выступал против империализма, осуждая это явление с помощью методик марксистских трактовок империализма, однако сам может быть назван империалистической державой при использовании более широкого научного подхода, при избегании попасть в «медийную и лозунговую ловушку». Также и либерально-идеалистическая парадигма может критиковать старый империализм США и прочих великих держав, однако либерально-идеалистические принципы мироустройства попадают под как минимум марксистское определение империализма. Это никак не может означать, что империализма нет в одном случае, а в другом есть. Это подразумевает собой то, что империализм – явление всеобъемлющее, комплексное и полипарадигмальное.

Более того, в новом мировом порядке оформились институциональные механизмы, посредством которых осуществляется империализм. Это можно назвать многоуровневым, географически распределенным институциональным ансамблем, и они включают сложный набор связей между правительствами развитых и менее развитых стран, различные альянсы между местным капиталом и международным капиталом, обычно в форме совместных предприятий в менее развитых странах, и набор международных институтов, которые частично независимы от других, но частично являются каналами, через которые действуют другие. Другие международные институты включают ВТО, которая стремится обеспечить максимальную открытость развивающихся стран как для торговли, так и для инвестиций из развитых стран, а также международные финансовые институты, такие как Всемирный банк и МВФ, которые пытаются обеспечить, чтобы кредиты развитых стран

не использовались для защиты «неконкурентоспособных» отраслей, а направлялись в наиболее производительные виды деятельности, то есть те, в которых обычно доминирует международный капитал. Хотя эти и другие форматы глобального управления, как правило, сосредоточены на конкретных задачах, они выполняют общую функцию придания легитимности соблюдению правил, которые при прежних мировых порядках более явно служили интересам не только развитых стран, но и отдельных империалистических держав. Международные институты могут более убедительно представить себя в качестве законных опекунов международного сообщества [Steven Rob, 1994, p. 295]. Но империализм текущего мирового порядка, безусловно, не характеризуется одним лишь глобальным управлением, а пользуется всем спектром возможных действий, которые он апробировал на протяжении всей организованной истории человечества.

Если учитывать, что «глобальное управление» – сравнительно новый феномен, то его можно причислить к одним из основных методов текущего мирового порядка, намеренно опуская теоретические сложности определения его временных границ. В одной из своих статей [Mojtaba Barghandan, 2019] Моджтаба Баргандан, аналитик по вопросам политики и безопасности на Ближнем Востоке, сотрудник Генерального консульства Исламской Республики Иран в Стамбуле, высказался о сути международного сотрудничества и глобального управления в современности: «Опора на международное сотрудничество в этих условиях подобна посадке на дырявую лодку, и глобальное управление делает ещё один шаг вперед, ставя у руля слепого». Именно так может выглядеть глобальное управление для некоторых развивающихся стран, однако для центральных держав мирового порядка можно привести обратную аналогию: империализм – есть море, которое продырявило лодку и готово поглотить её. Море может и не поглотить лодку, но она, безусловно, в его власти.

Однополярный, биполярный, многополярный мир – разные форматы империализма, отличающиеся только составом ключевых участников

Став однополярным, мировой порядок, вне зависимости от его теоретического понимания, приобрел однополярное глобальное измерение – международные институты практически полностью охватили планету, экономические и идеологические принципы получили возможности глобального обхвата.

Многополярный мировой порядок, безусловно, не потенциально новая конфигурация, а уже существовавшая в прошлом модель. Но, вопреки предположениям, что такой порядок будет постимпериалистичным, он будет конфигурацией не одного, не двух, а многих империализмов, концертом великих держав, вовсе не «играющих в унисон». И человечество, возможно, вернется, по сути, под конец XIX – начало XX веков.

Ультраимпериализм того типа, который сейчас приветствуется в Европе, имеет, однако, свои собственные негативные коннотации и последствия [Harvey, 2003, p. 210]. Если верить Роберту Куперу, советнику Т. Блэра, это способствует возрождению различий девятнадцатого века между цивилизованными, варварскими и дикими государствами в облике постмодернистских, современных и премодернистских государств, с постмодернистами как хранителями цивилизованного поведения сотрудничества, которое, скорее, означает подчинение универсальным, либеральным (т. е. «западным»), а если использовать марксистскую риторику, то «буржуазным», «капиталистическим») нормам и гуманистическим практикам по всему миру. Примечательно, что постмодернистские, в основном европейские, государства, с этой точки зрения, вовсе не являются «старой Европой», а намного опережают Соединенные Штаты, которые, похоже, испытывают некоторые трудности с отказом от своих модернистских взглядов [Harvey, 2003, p. 210]. И это интересно с точки зрения терминологии «старого», «нового» и «новейшего» империализмов.

Современность – арена столкновения империализмов. Как и вся история

Национальный суверенитет трактуется большинством исследователей в первую очередь как наличие у государства верховной легитимной власти в пределах собственных границ [Грачев, 2006, с. 88]. Известно также, что данный суверенитет, также называемый вестфальским, претерпевает значительные изменения, подвергаясь таким мировым трендам, как глобализация [Гринин, 2005, с. 6–31], связанная с этим либерализация торговли [Шебарова, 2005, с. 348], интеграционные процессы [Соловьев, Чаевич, 2005, с. 16–31], приватизация государственных функций [Небольсина, 2017, с. 213–224]. Такие процессы не произошли сами по себе (и даже не были вызваны «рукой» одной заинтересованной страны), а являлись логичным следствием развития западной политико-экономической мысли [Sehldon S. Wolin, 2016], которая, в свою очередь, может называться основанием существующего мирового порядка и заложенных в Уставе Организации Объединённых Наций принципов, на которых и основана действующая система международных отношений.

Европейская экономическая, политическая и социальная мысль уходит корнями далеко в прошлое. Европейская традиция мышления диктует линейное восприятие исторического процесса, следовательно, может сложиться впечатление, что случается то, что было заранее предreshено, запрограммировано, существует некая, кажущаяся прямой, линия в светлое будущее. Лучшим образом такая идея отражена в либерально-идеалистической парадигме международных отношений. Ключевым постулатом первой части данной парадигмы является афоризм одного из основоположников экономической теории А. Смита: «невидимая рука рынка». Тем не менее ход истории уже не единожды позволил пересмотреть данный постулат. Так, «Великая депрессия» породила кейнсианский подход к организации рынков. Кейнсианство впервые, по крайней мере за 100 лет, подвергло критике классическую политическую экономию, и даже многие посткейнсианские теории отчасти всё равно опирались на это течение. Те же монетаристы всё равно признавали, что государство должно контролировать денежное обращение, выступать посредником между субъектами рыночных отношений, принимать законы и следить за их соблюдением (в рамках хотя бы антимонопольного законодательства). Государство отстояло роль «ночного сторожа» при сохранении особой роли у негосударственных акторов.

«Путь от национального государства к космополитической демократии лежит через глобализацию» [Мусихин, 2008, с. 42]. В ходе роста процессов глобализации, объединяющих хозяйства различных стран мира, уже к концу Холодной войны начался новый этап, новый цикл в мировой экономической жизни. Отсутствие внешнего врага, существование которого ранее способствовало поддержанию активного государственного вмешательства в жизни общества, позволило пересмотреть степень этого участия. Особенное внимание мирового сообщества было приковано к новому этапу европейской интеграции – образования уже полноценного политико-экономического союза с работающими наднациональными органами. По всему миру были запущены новые этапы иных интеграционных проектов: АСЕАН, МЕРКОСУР, Андское Сообщество, НАФТА, и другие. На фоне этих структур, а также усиления неправительственных организаций многие стали полагать, что государство уже перестаёт быть ключевым актором международных отношений [Мусихин, 2008, с. 31–45], а служит интересам ТНК и других заинтересованных групп. Существование ЧВК, в свою очередь, обозначило приватизацию одной из основных государственных функций – военной сферы [Крашенинникова, 2008, с. 84]. К идеям осуществления глобального управления в 1995 году добавился проект создания новых институтов ООН (к примеру, второй «палаты» для транснациональных компаний и международных неправительственных организаций) и расширение полномочий-прерогатив данной структуры в рамках доклада Комиссии по глобальному управлению «Наше глобальное соседство» («Our global neighborhood») [Стецко, 2012, с. 112].

Идея суверенитета всегда существовала, основываясь на вопросе власти и монопольном праве на легитимное насилие [Бойко, 2016, с. 114–115]. Однако и эта область стала размываться, в том числе в силу принятой на международном уровне «обязанности (ответственности) по защите» [The Responsibility to Protect, 2001]. Этот подход даже успел закрепиться прецедентно. Глобальная система международных отношений была основана на европейской мысли и оформлена евро-атлантическими ценностями и принципами, которые пропагандируются как универсальные [Барабанов и др, 2019, с. 42], с целью подчеркнуть легитимность существующего устройства, продвинуть геополитические интересы развитых стран Запада и расширить экономические возможности своих организаций.

В XXI век мир вошел в состоянии однополярного мирового порядка, выстроенного вокруг одной сверхдержавы. Но этот мировой порядок, а также вся Вестфальская система международных отношений претерпели значительное количество структурных вызовов и тенденций, сместивших или грозящих сместить основных акторов или фундаментально способных повлиять на их деятельность. Помимо этого, XXI век оказался богат событиями, из-за которых государства смогли пойти, наоборот, на увеличение своей части в жизни общества: деятельность террористических организаций [Vande, Dan Eggen, 2006], финансовые кризисы [Бойко, 2016, с. 115], мировые пандемии [21] и т. д.

Обеспечение безопасности, защита экологии, экономическая сфера и т. д. даже в условиях глобализации и интеграционных процессов не могут существовать без государственного вмешательства. Даже ЕС никогда не придерживался сугубо политики *laissez faire*. Напротив, «частью его идеологии всегда было стремление исправить (или хотя бы частично компенсировать) негативные последствия рыночных механизмов» [Кавешников, 2015, с. 50]. Противостояние либерального и прогосударственного подхода в результате выглядит как постоянная борьба с переменным успехом на протяжении, по крайней мере, новейшего времени. Если и можно сегодня говорить о возвращении «этатистов» и политики дирижизма в общественной жизни общества, то это не значит, что «завтра» правительственные структуры снова не отступят и этот «вальс» не продолжится.

Необходимо также подчеркнуть, что, рассматривая мировое устройство, нельзя обойти особое деление государств: премодерна, модерна и постмодерна (или довестфальские, вестфальские и поствестфальские) [Харкевич, 2010, с. 160]. Следуя логике данной структуры, государства премодерна – исторические слабые, возможно, даже несостоявшиеся образования, которые исторически попадали под зоны влияния мировых держав, а значит, не имели фактического суверенитета, даже если он провозглашался. Так называемые государства постмодерна (иными словами, логика действий которых уже выходит за рамки классической логики Вестфальской системы – эгоистического стремления к сохранению собственного суверенитета и проведению независимой внутренней и внешней политики) делегируют свой суверенитет на наднациональный уровень, но даже в наиболее удавшемся на данный момент образовании – ЕС та же пандемия коронавируса (не говоря уже и о реакции на миграционный кризис) показала оставшиеся черты национального эгоизма, вопреки заявленным декларациям. Государства модерна, такие как США и в большей степени КНР, никак нельзя назвать странами, когда-то добровольно отошедшими от идей суверенитета [Бредихин, Проценко, 2011, с. 98]. Такие страны будут традиционно заинтересованы в передаче им суверенитета других государств (через наднациональные организации и интеграционные проекты). Лучше всего суверенитет государств модерна отражен в понятии «реальный суверенитет», предложенном академиком А.А. Кокошиным [Кокошин, 2006, с. 63].

Прецеденты, связанные с вмешательством во внутренние дела и даже гуманитарные интервенции, могут быть рассмотрены как механизм внешней политики держав Запада по сохранению контроля и избавления от неудобных режимов. В свою очередь, локальные процессы размывания суверенитета подвергаются изменениям вследствие глобальных вы-

зовов, кризисных явлений, которые являются ключевыми точками реформации (нео)либерального мирового порядка.

Будущее человечества – империализм. Как и прошлое

Впрочем, стоит рассматривать акторов империализма в плоскостях «государство – негосударство» не как соперничающих за «субъектность», а как взаимодополняющих. Государствоцентризм не только чередуется с негосударственными акторами, а соседствует с сетями гражданских обществ, формально негосударственными организациями, ТНК. Это значит, что классический «империализм» политреализма может быть скорее историческим феноменом, а современным являлся бы в первую очередь империализм обществ, объединённых транснациональными идеологиями и ценностями [Taylor, 1996, p. 1917–1928], что балансирует на грани политреализма и неомарксистских мир-системных подходов. В случае деятельности таких менее явных акторов (или инструментов иного уровня) делают империалистический фон невидимым, оставляя лишь его следы. В таком случае такие структуры, как НАТО, ЕС, а также любые проявления евроатлантического взаимодействия, безусловно, представляют собой новый тип имперской формации [Wogocz, 2005, p. 153–173].

Традиционно империалистические державы использовали множество маркеров – от этнической принадлежности до расы, культуры. Либеральные империалисты тоже проводят маркеры, только по иным основаниям. Вместо этнической, национальной принадлежности либерально-гражданское государство проводит границы вокруг того, кто является идеологически приемлемым, «цивилизованным», «просвещённым» или «прогрессивным», подходящим под новую современную «универсальную» идеологию – «новую этику». Таким образом, имперское подчинение порождается внутри структуры либерально-гражданской государственности, а не вопреки ей [Go, 2017, p. 80]. Государство-нация, глобальная интернациональная империя, сеть гражданского общества, сеть ТНК, проецирующие властные иерархические отношения (даже вопреки декларированным целям и вроде как горизонтальной структуры некоторых из них), – это всего лишь некоторые из проявлений одного и того же исторического явления – империализма.

Список литературы

- Барабанов О.Н., Бордачёв Т.В., Лисоволик Я.Д., Лукьянов Ф.А., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. 2019. Время взрослеть, или оправдание анархии. Как отсутствие мирового порядка может способствовать ответственному поведению государств. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», сентябрь, 2019, 24 с.
- Богданов А.Н. 2013. Эволюция гегемонии: Власть США в современном мире. Политическая экспертиза: политэкс, 1: 192–194.
- Бойко С.И. 2016. Легитимное насилие: внутривластный контент. *Thesaurus*, 3: 113–119.
- Бредихин А.Л., Проценко Е.Д. 2011. Политические основы государственного суверенитета. *Вестник Московского университета МВД России. Юридические науки Актуальные проблемы теории государства и права*, 8: 92–99.
- Бузгалин А.В. 2017. Империализм в XXI веке: протоимперии и «восстание периферии». *Экономическое возрождение России*. 3 (53): 32–38 с.
- Веселов Ю.А. 2022. Основные интерпретации понятия «империализм» в современной теории международных отношений. *Международные отношения*, 2: 31–56.
- Грачев Н.И. 2006. Происхождение суверенитета: государство и верховная власть в традиционном мировоззрении. *Философия права*, 1: 88–94.
- Гринин Л.Е. 2005. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность*, 1: 6–31.
- Кавешников Н. 2015. Методы управления в Европейском союзе. *Мировая экономика и международные отношения*, 8: 49–60.
- Кокошин А.А. 2006. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., Европа. 63 с.

- Крашенинникова В.Ю. 2008. Война на аутсорсинге. Россия в глобальной политике. 6 (1). 84–94.
- Мусихин Г.И. 2008. Концептуальные изъяны демократии как проблема глобализации. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2: 31–45.
- Небольсина М.А. 2017. Частные военные и охранные компании (ЧВОК): феномен современности. Сборник материалов X Конвента РАМИ: В 5 томах. Московский государственный институт международных отношений (университет). 213–224 с.
- Соловьев А.В., Чаевич А.В. 2005. Глобализация, интеграция и национальная безопасность Российской Федерации. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки, 5: 16–31 с.
- Стецко Е.В. 2012. «Глобальное управление» и роль неправительственных организаций в его становлении. Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana), 4 (25): 110–115.
- Харкевич М.В. 2010. Государство в современной мировой политике. Вестник МГИМО Университета, 6 (15): 160–166.
- Щебарова Н.Н. 2005. Развитие глобализации через либерализацию региональных экономических связей. Вестник Мурманского государственного технического университета. 348–254 с.
- Borocz Jozsef, Mahua Sarkar. 2005. 'What is the EU?' International Sociology 20. 153–73 p.
- Cox M. 2003. The Empire's Back in Town: Or America's Imperial Temptation Again. Millennium, 1: 1–27 p.
- Daniel Headrick. 2009. Power over People: Technologies, Environments, and Western Imperialism, 1400 to the Present Princeton. N.J., Princeton University Press. 400 p.
- Ferguson, N. 2003. Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. New York, Basic Books. 424 p.
- Galtung Johan. 1971. A Structural Theory of Imperialism. – International Peace Research Institute, Journal of Peace Research, Oslo. 81–117 p.
- Go Julian. 2017. Myths of nation and empire: The logic of America's liberal empire-state. Thesis Eleven, 139 (1). 69–83 p.
- Go Julian. 2007. Waves of Empire US Hegemony and Imperialistic Activity from the Shores of Tripoli to Iraq, 1787–2003. International Sociology 22 (1). 5–40 p.
- Hardt M., Negri A. 2001. Empire. Boston, MA, Harvard University Press. 440 с.
- Harvey David. 2003. The New Imperialism. Oxford University Press. 183 p.
- Herring Eric, Rangwala Glen. 2005. Iraq, Imperialism and Global Governance, Third World Quarterly, 26. 677 p.
- Ikenberry J. 2006. Rethinking the Origins of American Hegemony // Liberal Order and Imperial Ambition. Essays on American Power and World Politics / Ed. by J. Ikenberry. Cambridge, Polity Press. 21 p.
- Jervis R. 2009. An Empire, But We Can't Keep It // Imbalance of Power. U.S. Hegemony and International Order / Ed. by W. Zartman. London, Lynne Rienner Publishers. 288 p.
- Kebbel T.E., 1889. ed., Disraeli, Selected Papers of the Late Right Honorable The Earl of Beaconsfield, vol. 2, London. 534 p.
- Layne, C., Schwarz, B. 1993. 'American Hegemony – Without an Enemy', Foreign Policy. 92. 5–23 p.
- Mojtaba Barghandan. 2019. Global governance devastated by imperialism. // Daily Sabah. URL: <https://www.dailysabah.com/op-ed/2019/05/08/global-governance-devastated-by-imperialism> (date of application: 05.05.2022)
- Nester William R. 2010. Global Imperialism's First Wave. Globalization. A Short History of the Modern World. Chapter, 27–33 p.
- Paul Kennedy. 1989. The Rise and Fall of the Great Powers. New York, Vintage. 150 p.
- Samir Amin. 2015. Contemporary imperialism. Monthly Review, URL: <https://monthlyreview.org/2015/07/01/contemporary-imperialism/> (date of application: 05.05.2022)
- Sehldon S. Wolin. 2016. Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought. – Princeton University Press. 792 p.
- Schumpeter Joseph. 1972. Imperialism [and] Social classes; two essays, New York, World Pub. Co. 181 p.
- Steven Rob. 1994. New world order: A new imperialism, Journal of Contemporary Asia. 24: 3. 271–296.
- Taylor, P.J. 1996. 'Embedded Statism and the Social Sciences: Opening up to New Spaces', Environment and Planning A 28 (11). 1917–1928 p.

The Responsibility to Protect. 2001. International Commission on Intervention and State Sovereignty. December. URL: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf> (date of application: 02.10.2020).

Vande Hei J., Dan Eggen. 2006. Cheney Cites Justifications For Domestic Eavesdropping. // Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/01/04/AR2006010400973.html> (date of application: 02.10.2020).

Wesseling J.L. 2004. The European Colonial Empires, 1815–1919. New York, Longman. 304 p.

References

Barabanov O.N., Bordachjov T.V., Lisovolik Ja.D., Luk'janov F.A., Sushencov A.A., Timofeev I.N. 2019. Vremja vzroslet', ili opravdanie anarhii. Kak otsutstvie mirovogo porjadka mozhet sposobstvovat' otvetstvennomu povedeniju gosudarstv [Time to grow up, or an excuse for anarchy. how can the absence of a world order contribute to responsible behavior of States]. Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj» [Report of the Valdai International Discussion Club], sentjabr', 24.

Bogdanov A.N. 2013. Jevoljucija gegemonii: Vlast' SShA v sovremennom mire [The Evolution of Hegemony: US Power in the Modern World]. Politicheskaja jekspertiza: politjeks [Political expertise: politex], 1: 194 p.

Bojko S.I. 2016. Legitimnoe nasilie: vnutripoliticheskij kontent [Legitimate violence: domestic political content]. Thesaurus, 3: 113–119.

Bredihin A.L., Procenko E.D. 2011. Politicheskie osnovy gosudarstvennogo suvereniteta [Political foundations of state sovereignty]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. Juridicheskie nauki Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Legal sciences Actual problems of the theory of state and law], 8: 92–99.

Buzgalin A.V. 2017. Imperializm v XXI veke: protoimperii i «vosstanie periferii» [Imperialism in the XXI century: Proto-Empire and the «revolt of the periphery»]. Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii [The economic revival of Russia], 3 (53): 32–38 p.

Veselov Ju.A. 2022. Osnovnye interpretacii ponjatija «imperializm» v sovremennoj teorii mezhdunarodnyh otnoshenij [The main interpretations of the concept of «imperialism» in the modern theory of international relations]. Mezhdunarodnye otnoshenija [International relations], 2: 31–56.

Grachev N.I. 2006. Proishozhdenie suvereniteta: gosudarstvo i verhovnaja vlast' v tradicionnom mirovozzrenii [The origin of sovereignty: the state and the supreme power in the traditional worldview]. Filosofija prava [Philosophy of Law], 1: 88–94.

Grinin L.E. 2005. Globalizacija i nacional'nyj suverenitet [Globalization and national sovereignty]. Istorija i sovremennost' [History and modernity], 1: 6–31.

Kaveshnikov N. 2015. Metody upravlenija v Evropejskom sojuze [Management methods in the European Union]. Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World economy and international relations], 8: 49–60.

Kokoshin A.A. 2006. Real'nyj suverenitet v sovremennoj miropoliticheskoj sisteme [Real sovereignty in the modern world political system]. M., Evropa. [Europe] 63 p.

Krashennikova V.Ju. 2008. Vojna na outsorsinge [The outsourcing war]. Rossija v global'noj politike [Russia in global politics], 6 (1): 84–94 p.

Musihin G.I. 2008. Konceptual'nye iz#jany demokratii kak problema globalizacii [Conceptual flaws of democracy as a problem of globalization]. Journal politizeskoj filosofii i politiki «Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz. Global'naja perspektiva» [Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics «Politiya. Analysis. Chronicle. Forecast»], 2: 31–45 p.

Nebol'sina M.A. 2017. Chastnye voennye i ohrannye kompanii (ChVOK): fenomen sovremennosti [Private military and security companies (PMCs): the phenomenon of modernity]. Sbornik materialov X Konventa RAMI: V 5 tomah. Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij (universitet) [Moscow State Institute of International Relations]. 213–224 p.

Solov'ev A.V., Chaevich A.V. 2005. Globalizacija, integracija i nacional'naja bezopasnost' Rossijskoj Federacii [Globalization, integration and national security of the Russian Federation]. Vestn. Mosk. Un-ta [Bulletin of the Moscow University]. Ser. 12. Politicheskie nauki, 5: 16–31.

- Stecko E.V. 2012. «Global'noe upravlenie» i rol' nepravitel'stvennyh organizacij v ego stanovlenii [«Global Governance» and the role of non-governmental organizations in its formation]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana) [Society. Environment. Development]*. 4 (25): 110–115.
- Harkevich M.V. 2010. Gosudarstvo v sovremennoj mirovoj politike [The state in modern world politics]. *Vestnik MGIMO Universiteta [Bulletin of MGIMO University]*. 6 (15): 160–166.
- Shhebarova N.N. 2005. Razvitie globalizacii cherez liberalizaciju regional'nyh jekonomicheskikh svyazej [The development of globalization through the liberalization of regional economic ties]. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta [Bulletin of the Murmansk State Technical University]*, 348–254.
- Borocz Jozsef, Mahua Sarkar. 2005. 'What is the EU?' *International Sociology* 20. 153–73 p.
- Cox M. 2003. *The Empire's Back in Town: Or America's Imperial Temptation Again*. Millennium, 1: 1–27 p.
- Daniel Headrick. 2009. *Power over People: Technologies, Environments, and Western Imperialism, 1400 to the Present* Princeton, N.J., Princeton University Press. 400 p.
- Ferguson, N. 2003. *Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power*. New York, Basic Books. 424 p.
- Galtung Johan. 1971. *A Structural Theory of Imperialism*. – International Peace Research Institute, *Journal of Peace Research*, Oslo. 81–117 p.
- Go Julian. 2017. *Myths of nation and empire: The logic of America's liberal empire-state*. Thesis Eleven, 139 (1). 69–83 p.
- Go Julian. 2007. *Waves of Empire US Hegemony and Imperialistic Activity from the Shores of Tripoli to Iraq, 1787–2003*. *International Sociology* 22 (1). 5–40 p.
- Hardt M., Negri A. 2001. *Empire*. Boston, MA, Harvard University Press. 440 c.
- Harvey David. 2003. *The New Imperialism*. Oxford University Press. 183 p.
- Herring Eric, Rangwala Glen. 2005. *Iraq, Imperialism and Global Governance*, *Third World Quarterly*, 26. 677 p.
- Ikenberry J. 2006. *Rethinking the Origins of American Hegemony // Liberal Order and Imperial Ambition. Essays on American Power and World Politics / Ed. by J. Ikenberry*. Cambridge, Polity Press. 21 p.
- Jervis R. 2009. *An Empire, But We Can't Keep It // Imbalance of Power. U.S. Hegemony and International Order / Ed. by W. Zartman*. London, Lynne Rienner Publishers. 288 p.
- Kebbel T.E., 1889. ed., Disraeli, *Selected Papers of the Late Right Honorable The Earl of Beaconsfield*, vol. 2, London. 534 p.
- Layne, C., Schwarz, B. 1993. 'American Hegemony – Without an Enemy', *Foreign Policy*. 92. 5–23 p.
- Mojtaba Barghandan. 2019. *Global governance devastated by imperialism*. // *Daily Sabah*. URL: <https://www.dailysabah.com/op-ed/2019/05/08/global-governance-devastated-by-imperialism> (date of application: 05.05.2022)
- Nester William R. 2010. *Global Imperialism's First Wave. Globalization. A Short History of the Modern World*. Chapter, 27–33 p.
- Paul Kennedy. 1989. *The Rise and Fall of the Great Powers*. New York, Vintage. 150 p.
- Samir Amin. 2015. *Contemporary imperialism*. *Monthly Review*, URL: <https://monthlyreview.org/2015/07/01/contemporary-imperialism/> (date of application: 05.05.2022)
- Sheldon S. Wolin. 2016. *Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought*. – Princeton University Press. 792 p.
- Schumpeter Joseph. 1972. *Imperialism [and] Social classes; two essays*, New York, World Pub. Co. 181 p.
- Steven Rob. 1994. *New world order: A new imperialism*, *Journal of Contemporary Asia*. 24: 3. 271–296.
- Taylor, P.J. 1996. 'Embedded Statism and the Social Sciences: Opening up to New Spaces', *Environment and Planning A* 28 (11). 1917–1928 p.
- The Responsibility to Protect. 2001. *International Commission on Intervention and State Sovereignty*. December. URL: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf> (date of application: 02.10.2020).
- Vande Hei J., Dan Eggen. 2006. *Cheney Cites Justifications For Domestic Eavesdropping*. // *Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/01/04/AR2006010400973.html> (date of application: 02.10.2020).
- Wesseling J.L. 2004. *The European Colonial Empires, 1815–1919*. New York, Longman. 304 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported

Поступила в редакцию 26.11.2022
Поступила после рецензирования 10.01.2023
Принята к публикации 10.02.2023

Received 26.11.2022
Revised 10.01.2023
Accepted 10.02.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Веселов Юрий Александрович, преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0000-0003-2043-2778](https://orcid.org/0000-0003-2043-2778)

Yuriy A. Veselov, Lecturer of the Department of International Organizations and World Political Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia